

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛОЦКОМ РАЙОНЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БССР В 1937-1941 ГГ.

И.И. Янушевич (БГУ, Минск)

В статье проводится анализ причин слабого распространения атеизма среди населения БССР в 1937-1941 гг. на примере Полоцкого района. Рассматривается вопрос эффективности антирелигиозной работы партийно-государственных органов.

The article reveals the cause of poor advancement of atheism with the BSSR population in the period 1937 – 1941: Polotsk region case study. The efficiency of anti-religious propaganda by the party and government bodies is analyzed.

Исследуя развитие конфессиональной ситуации и состояние антирелигиозной работы в СССР в довоенный период можно с уверенностью сказать о существовании региональной специфики. Это касалось как крупных регионов, таких как Сибирь, Украина, Средняя Азия, так и небольших территорий, одной из которых был Полоцкий район. Следует отметить, что состояние «антирелигиозных дел» в районе необходимо рассматривать в общем контексте политики партии в данном направлении. Полоцк был знаковым местом. Один только Спасо-Евфросиниевский монастырь, являясь жемчужиной православных святынь, наносил колоссальный вред продвижению безбожия. Под предлогом оказания помощи голодающим Поволжья в 1921–1922 гг. обитель была практически полностью разграблена. «Крест преподобной Евфросиньи в 1921 году был передан в Полоцкий финотдел, а затем в Минск, где некоторое время находился в Белорусском государственном музее» [1, с. 79]. В дальнейшем святыня была утеряна или украдена. Чрезвычайно мешали распространению просоветски настроенного раскольнического течения обновленцев «монашествующие мужского и женского монастырей города Полоцка. О последних следует сказать, они по своей некультурности, неразвитию и религиозному невежеству являются главными виновниками религиозной смуты, продолжающейся в нашей епархии до сего дня» - констатировал один из их предводителей [2, л. 171]. В то время выступление против обновленцев требовало мужества и однозначно влекло неминуемые репрессивные санкции со стороны властей. Но вера и чистота православия для монашествующих были несравненно выше тюремных заключений, ссылок и даже смерти. Подобные примеры духовного служения вызывали заслуженное уважение не только православных верующих, но и инославных, и атеистов. Авторитет старой тихоновской Церкви рос, что абсолютно не входило в планы

большевиков. К середине 1920-х гг. и мужской Богоявленческий и женский Спасо-Евфросиниевский монастыри в надежде на их забвение властями были закрыты.

Глубокий «атеистический подтекст» должно было сыграть вскрытие, а вернее кощунственное осквернение в мае 1922 г. мощей преподобной Евфросиньи. Кампания по вскрытию мощей прокатилась по всему СССР в 1919 г. Комиссары, поверхностно разбираясь в культе почитания мощей православных угодников Божьих, надеялись с помощью «развеивания мифа о нетленности останков» показать их земное происхождение и тем самым скомпрометировать Церковь. Отсутствие нетленности мощей должно было расставить все точки над «I» в этом вопросе. Подобная уловка не несла в себе предполагаемой смысловой нагрузки по причине того, что культ мощей рассматривался верующими не как материальная сохранность мумии, а как явление духовное. Безусловно, что в таких условиях обнаружение в раках вместо нетленных останков Святых земли Русской костей и прочих атрибутов не имело на абсолютное большинство верующих должного влияния. Более того, проводимые резко, без предварительной подготовки вскрытия мощей вызывали у верующих недоверие к комиссиям, озлобление по поводу откровенного разграбления имущества рак. В Полоцке комиссия по вскрытию наткнулась на яростное сопротивление насельниц и священнослужителей, которые были арестованы и преданы суду. В 1924 г. около 250 сестер были выселены из монастыря и разогнаны в по району, что в условиях насильственно насаждаемого материализма только усиливало их специфические миссионерские возможности и авторитет.

Проблемы распространения атеизма в СССР в 1930-е гг. начале 1940-х гг. исследовались как советской так и современной исторической наукой в недостаточной степени. Главной причиной этого является многогранность данного вопроса. В условиях жесткого идеологического давления ученым приходилось формулировать темы исследований в заранее обозначенном направлении с однозначно четко указанными решениями задач. Источниковую базу многих исследований значительно дополняли материалы абсолютно заонгажированных рупоров безбожия типа «Безбожник», «Антирелигиозник» и др. Одной из причин является и то, что деятельность религиозных организаций изучалась в СССР только с точки зрения исполнения советского законодательства органами власти (ВЦИК, ЦИК Белоруссии и др.). Деятельность основных игроков «антицерковной борьбы» (ВЧК, ГПУ-ОГПУ, НКВД) не рассматривалась, а деятельность партии большевиков, основанная на марксизме-ленинизме, трактовалась как естественный прогрессивный процесс борьбы с религиозным дурманом путем распространения атеизма. При этом целенаправленно не показывались гонения, репрессии духовенства и верующих, а так же различия в государственной религиозной политике по отношению к конфессиям. Даже имевшие место в среде большевистского руководства разногласия по

религиозным вопросам, и весьма серьезные, особенно, что касается позиций В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, М.И. Калинина, никоим образом не отражались в исследованиях. Хотя, как известно, антицерковный вопрос во внутривластной борьбе был весьма значим, особенно, что касалось борьбы с троцкизмом.

Исследования 1920-х-1930-х гг. должны были выполнять роль своеобразного разоблачителя классово-религиозной роли религии и церкви, их «контрреволюционности» и «эксплуататорской сущности» [3, 4, 5]. Заданные в ярко выраженных публицистических, пропагандистских работах установки в дальнейшем полностью доминировали у более поздних авторов [6, 7, 8]. Следует заметить, труды эти использовались в качестве источников и во многом облегчали поиск идей при исследовании вопроса, так как уже считались классическими произведениями. Создаваемые для решения сугубо агитационно-пропагандистских целей работы посвященные распространению атеизма по сути не рассматривали вопросы эффективности реализуемой антирелигиозной деятельности партийно-государственных структур. Наблюдалось стремление максимально теоретизировать проблему. Пропагандистские установки превалировали над научностью. Труды белорусских советских ученых отличались использованием большого фактического арсенала, но все же наблюдалась определенная недосказанность и односторонность [9, 10, 11]. И здесь вина не только в «идеологической ангажированности», а и ограничениях при использовании архивных материалов. Значительная часть их была недоступна, да и сложно представить при тотальном контроле всевозможных структур появление даже небольшой научной статьи с критической оценкой атеистической деятельности партии. Хотя многие недостатки и недочеты в работе отдельных структур и подразделений обозначались, но правильность курса партии на равенства на материализм была незыблема. В исследованиях постоянно упоминались положительные примеры организации антирелигиозной работы в различных местах республики. Полоцк в данных трудах не указывается.

В постсоветской историографии первым и пока единственным серьезным трудом явилась монография В.А. Алексеева [12]. Современные белорусские ученые в основном уделяют внимание развитию конфессиональной ситуации в указанный период [13, 14, 15]. Антирелигиозная деятельность партийно-государственных структур пока еще не стала предметом отдельного научного исследования, что представляется не совсем правильным, так как именно уровень укоренения безбожия в сознании масс определял все иные направления антирелигиозной деятельности и во многом характеризовал духовно-нравственный облик гражданина страны советов. Здесь следует отметить, что к рассматриваемому периоду агит-проп машина в формировании нового возможно советского-социалистического мировоззрения значительно преуспела. Популяризируемые идеи и лозунги укрепились в сознании людей. И массовый патриотизм, и трудовой

энтузиазм, вера в достижение в скором времени новой, счастливой жизни имели место. Совсем другой вопрос была ли чужда этим людям вера в Бога, сколь глубока была секуляризация советского общества.

Провозглашая в своих программных документах борьбу с религией и церковью до полного их уничтожения партия за два десятилетия своего нахождения у власти не выработала какой то единой системы антирелигиозной деятельности. В 1920-е гг. вопрос был излишне политизирован и не раз использовался в борьбе за лидерство и влияние на сторонников противоборствующими группировкам. В 1930-е гг. формирование государственной политической системы в целом завершилось, но, не смотря на это, в церковном вопросе наблюдалось разностороннее движение и отсутствие консенсуса. Резкие репрессивные и атеистические кампании быстро сменялись практически полным сворачиванием данного направления деятельности (за исключением контроля НКВД). Естественно, что определял степень внимания к тем или иным вопросам непосредственно И. Сталин посредством пропагандистских или иных мер. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. он выступил с «кроважидным» докладом, призвав ликвидировать «политическую беспечность» среди руководящего состава. Это не могло не пробудить классовой бдительности и одним из заброшенных участков борьбы с врагами социалистического отечества по прежнему была антирелигиозная работа, которая следует отметить к 1937 г. находилась в полном развале. 19 августа 1937 г. сотрудником Центрального совета Союза воинствующих безбожников (ЦС СВБ) СССР А. Березкиным была проинспектирована Витебская область. Из отчета следует что общая характеристика ситуации в республике была не на нужной высоте: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц, как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала. В составе пленума находились враги народа: Шукевич, Щуцкий, Капаевич, Успенский и др. Во главе президиума ЦС СВБ Беларуси был Левков, так же ныне разоблаченный, как враг народа» [16, л. 6].

Безусловно, подобное состояние дел не могло не волновать партийные и силовые структуры, поэтому принимается ряд постановлений ЦК КП(б)б направленных на усиление антирелигиозной работы. Доминировало мнение, что окрепший церковный фронт нес явную угрозу социально-экономическому развитию страны. Рационализатор безбожия Ем. Ярославский в статье «XVIII съезд ВКП(б)Б и борьба с пережитками капитализма в сознании трудящихся» указывал: «Сохранение религиозных пережитков в быту наносит ущерб общественной собственности, мешает воспитывать доброе, коммунистическое отношение к труду, разлагает людей» [17, л. 5].

И на самом деле страна переживала очень сложный период. Необходим был резкий скачек в экономическом развитии. Шел процесс поиска идей,

которые смогли бы мобилизовать как можно больше граждан на трудовые подвиги, преодоление социально-экономической отсталости, да и объединить общество перед внешней угрозой. Одной из идей было то, что трудности временные, партия видит пути выхода из сложившейся ситуации и необходимо только следовать ее указаниям. «XVIII съезд указал, что теперь, когда наша страна вступила в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму, решительное значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей» [17, л. 1]. Именно в «коммунистическом перевоспитании» и состояло одно из главных противоречий времени. Усиление советской государственности, консолидация общества в рамках существующего режима нужен был ленинский «винтик» или хотя бы лицо молчаливо несогласное, но усердно трудящееся. По религиозному вопросу подобное просматривалось весьма проблематично. В стране согласно переписи населения не побоялись назвать себя верующим более 50 % граждан. «Недоизъятое» духовенство, не враждебное советской власти, но и не могущее принять в силу своих убеждений подобную антирелигиозную политику, уже в меньшей степени определяло религиозные взгляды и настроения населения. Отсутствие возможности овладевать основами вероучения и культовой практики традиционных конфессий породили множество вплоть до окултно-мистических течений, полностью овладевших сознанием граждан. Вся эта масса людей деятелями СВБ признавалась классово враждебной, подлежащей атеистическому перевоспитанию посредством лекций, докладов, бесед, громких чтот и т.д. В эффективности подобной работы сомневался даже генсек ЦК ВЛКСМ Косарев: «Что мы предлагаем? Актив собрать, группу лекторов подобрать, лекции прочитать...Этого недостаточно...Я за лекции, это дело полезное, но нужно сказать, что делать в текстильных поселках среди женской молодежи, не летать в облаках, а на грешную землю спуститься, и на этой грешной земле есть верующие» [12, с.155].

Комсомольский лидер, реализующий громадные проекты, понимал отличие теории от практики, но в условиях необходимости беспощадной борьбы с врагами народа, когда «враги социализма действуют через религиозные организации» антирелигиозная деятельность вновь становится важнейшим участком агитационно-пропагандистской работы [17, л. 6]. Что из этого получилось в реальной жизни попробуем рассмотреть на примере Полоцкого района. Какие конкретные мероприятия необходимо было реализовывать в борьбе с религиозностью ни партийные, ни государственные структуры в общем то не знали. На всякий случай «в 1937 и 1938 г.г. органы НКВД БССР нанесли значительный оперативный удар по организованному антисоветскому подполью церковников и сектантов и по церковно-сектантскому активу. За этот период, арестовано и осуждено 3247 церковников и сектантов, из них свыше 400 человек попов и монахов, 1

митрополит и 5 архиепископов» [18, л. 57]. Полоцко-Витебской епархии это коснулось в несколько меньшей степени: «В Витебске и районах, ныне Витебской области ликвидирована к-р шпионско-повстанческая и диверсионная организация, в составе 84 человек, во главе с архиепископом Добромысловым, попом Оглоблиным и др. и троцкистом – директором тарного комбината Рябцевым. Часть попов – участников этой организации сгруппировались на тарном комбинате, где объединились с троцкистами и совместно проводили вредительскую работу» [18, л. 62]. Хватать в области практически уже было некого. В основном проходил процесс ликвидации просоветски настроенных обновленцев и видимо в определенной степени сотрудничавших с властями приверженцев объявленной в 1927 г. автокефалии Белорусской православной церкви. Из-за противостояния этим течениям на рубеже 1920-х в начале 1930-х гг. практически все православное духовенство было арестовано и в свои приходы больше не вернулись.

Окормлял в это время Полоцко-Витебскую кафедру архиепископ Николай (Покровский), принявший сан епископа в возрасте 68-ми лет в июне 1919 г., в самый разгар гражданской войны. В это время просто исповедание веры в Бога граничило с подвигом, а пастырское служение вело к принятию мученической смерти. В Витебск он приехал тяжело больным человеком в возрасте 80 лет. На один глаз он был слеп совсем, а на другой на 40 %. Несмотря на физическую немощь, владыка Николай с полной отдачей работал на ниве служения православию, исполняя свой архиерейский долг. В условиях массовых преследований верующих, тотальных закрытий православных храмов и поголовного уничтожения духовенства, архиепископ Николай открыто выступал против творившихся беззаконий. Владыка был не согласен и с позицией Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского) 18 февраля 1930 г. в интервью иностранным журналистам заявившим о том, что в Советском Союзе нет каких-либо религиозных преследований. Ситуацию в епархии архиепископ Николай характеризовал следующим образом: «Митрополит Сергий никогда не реагировал на мои к нему донесения устные и письменные о крайне бедственном положении вверенной мне Полоцко-Витебской епархии. Это положение сводится к тому, что часть закрытых сельских церквей разгромлена, колокола сняты и увезены, алтари осквернены, священные сосуды и церковная утварь расхищены, иконостасы разломаны и разбросаны, священники закрытых приходских церквей или томятся в тюрьмах или находятся в ссылках, иные состоят на тяжелых принудительных работах. Из отбывших наказание ни один не возвратился в свой приход. Дети остаются без крещения, покойники хоронятся без церковного отпевания, духовенство лучше меня слышит вопль и плач христиан... видя слезы плачущих земляков, родных, близких... Просвета не видно...» [19, с. 27].

Однако с учетом реального количества верующих подобный путь был абсолютно неприемлемым. Из лагерей возвращались изнеможенные, запуганные, униженные верующие, а не атеисты. Правда их убеждения существенно влияли на жизнь близких им людей. Родственники и друзья отбывавших наказания по политическим статьям идеологическому и административному преследованию. Во время проходивших в 1937-1938 гг. чисток «после разоблачения секретаря Шатыренка выяснилось», что комсорг совхоза «Хотцы» неблагонадежна – «муж – сын попа», а у «пропагандиста полит-школы колхоза «Косарева» Прусава родители баптисты» [20, л. 37]. Таким образом пытались вменить в вину любую связь с носителями религии.

Переломить ситуацию на антирелигиозном фронте по мнению политического руководства должна была массовая агит-проп работа среди в первую очередь верующих граждан, хотя неверующие так же нуждались в постоянном напоминании о вреде религии и контрреволюционности церковников. Застрельщиком данного направления деятельности должен был стать СВБ поддерживаемый всеми партийно-государственными структурами. И тут чем-то похвастаться безбожникам Полоцка и района не было. К августу 1937 г. «в Полоцке даже не существует оргбюро СВБ» – констатировал летом 1937 г. проверяющий из ЦС ССВБ СССР [16, л. 16]. Подобная картина наблюдалась во многих районах республики, поэтому постановлением Бюро ЦК КП(б)Б «Аб становішчы антырэлігійнай прапаганды у Беларусі» от 7 октября 1937 г. был намечен целый ряд мероприятий по данному вопросу. Во-первых необходимо было реанимировать структуру СВБ. Создавалось республиканское оргбюро СВБ, на которое возлагалась обязанность в двухмесячный срок провести перерегистрацию имеющихся членов союза и развернуть работу по вовлечению в организацию новых членов. Для этого необходимо было воссоздать ячейки на местах. Предполагалось создание оргбюро СВБ во всех городах и районах, которые должны были подготовить и провести окружные, районные и городские конференции безбожников. Так же предполагалось:

«2. Абавязаць акруговыя, гарадскія і раённыя камітэты партыі стварыць там, дзе няма саветаў бязбожнікаў, оргбюро для аднаўлення арганізацый СВБ, вылучыўшы у склад Оргбюро найбольш падрыхтаваных кіруючых работнікаў з партактываі актывабязбожнікаў.

4. Прапанаваць усім ГК, АК і РК КП(б)Б спецыяльна заслухаць на Пленумах партыйных камітэтаў пытанне аб становішчы антырэлігійнай прапаганды і прыняць меры к рашучаму паляпшэнню справы антырэлігійнай прапаганды.

5. Лічыць найважнейшай задачай усіх партарганізацый аб'яднаць і сабраць расцэраныя кадры антырэлігійнікаў, ваіявіць новыя кадры бязбожнікаў з настаўнікаў, аграномаў і сельскай інтэлігенцыі» [21, л. 101].

Следует отметить, антирелигиозная работа после постановления бюро в республике значительно активизировалась. Во многих районах и городах под ружье были поставлены старые ударники безбожия, рекрутированы новые активные члены. Создавались лекторские группы и агитбригады. Были проведены конференции. Вопросы антирелигиозной пропаганды заслушивались на пленумах партии. Наиболее слабо бала поставлена работа по мнению заведующего отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б Бедина в Полоцком районе. Во время проверки было установлено, что райком партии этой работой не руководит. Вопрос был рассмотрен бюро Полоцкого РК КП(б)Б был спустя два месяца, но и в принятом решении не просматривались конкретные действия в данном направлении. Итогом заседания стало утверждение состава оргбюро, «но товарищам, которые вошли в это бюро РК сообщил ровно через 6 месяцев т.е. в июне 1938 г.» когда надо было в срочном порядке проводить районную конференцию СВБ [22, л. 79]. С учетом упущенного времени, без предварительного обучения членов оргбюро организации состоявшаяся в августе 1938 г. конференция носила формальный характер и кроме вреда на фронте безбожия ничего другого принести не могла.

Районной конференцию можно назвать достаточно условно. Там были представлены делегаты только трех организаций – железной дороги, тюрьмы и техникума. Остальные были назначены парторгами исключительно из городских организаций. Никакой информационно-разъяснительной работы на предприятиях и тем более в колхозах проведено не было. Райкомы партии и комсомола не придали конференции того политического значения, которое обозначалось высшим руководством. Вместо обсуждения стратегии борьбы с «религиозным дурманом», с его «популяризаторами» как «ярыми врагами социализма» собравшиеся провели выборы райсовета (РС) СВБ, членов ревизионной комиссии и делегатов на областную конференцию. «Сами выборы проведены с нарушением самых элементарных правил – выбирались не только делегаты конференции, но даже и не члены СВБ, на заданный члену РС тов. Воронину (избранному на этой конференции) от какой организации вы были делегатом, он ответил: - я не был делегатом, я даже не состою членом СВБ, я шел по улице, узнал, что проходит райконференция СВБ и решил зайти послушать. В это время проходило выдвижение в Райсовет, выдвинули и мою кандидатуру – вот и избрали» [22, л. 80].

Естественно подобный халатный, а для того времени вредительский подход к делу не мог стимулировать деятельность безбожников в районе. Сам райсовет фактически собирался один раз 22 августа 1938 г. для распределения обязанностей и избрания председателя. Никакой работы не проводилось. Итоги проверки антирелигиозной работы в Витебской области ЦК КП(б)Б за 1939 г. по Полоцкому району отражены весьма лаконично: «В Полоцком районе СВБ нет, учета членов СВБ не имеется» [23, л. 3].

Отсутствие антирелигиозной работы местное руководство оправдывало отсутствием официально зарегистрированных религиозных организаций. А если церквей, костелов, синагог действующих нет то, по их мнению, и бороться было не с чем. Подобные заявления высказывались для оправдания своей бездеятельности. На самом деле руководители на местах осознавали проблемы в антирелигиозной сфере и если тайные крещения, отпевания усопших, обрезания можно было не замечать до поры до времени, то невыходы на работу пересекались с выполнением плановых хозяйственных показателей, которые и так массово не выполнялись и религиозный фактор здесь был абсолютно нектати. Спрос за показатели был самым жестким. Проверяющим из ЦК КП(б)Б летом 1940 г. указывалось что в Полоцком районе «религиозные праздники среди колхозников чувствуются довольно сильно. Об этом говорят факты невыхода на работу некоторой части колхозников в дни религиозных праздников» [23, л. 46]. По сравнению с предыдущим отчетом ситуация мало изменилась: «В районе за последние 2 года участок работы по антирелигиозной пропаганде был в загоне. Вся работа заключалась в организации отдельных лекций и то от случая к случаю. Ячеек СВБ в районе нет. Если в городе Полоцке еще читаются лекции на антирелигиозные темы, то в сельских советах среди колхозников эта работа пущена на самотек» [23, л. 46]. Райком партии попытался каким то образом активизировать безбожников. Были проведены определенные мероприятия. РС СВБ организовал вступление новых членов в организацию, однако кампания по кадровому усилению западных регионов привела к практически полному развалу организации в 1941 г. Даже заказанные в облсовете СВБ материалы на сумму 200 рублей «(членские билеты, марки и проч.) провалялись на почте больше месяца и посылку вернули обратно. Не помогло и обещание секретаря Райкома партии т. Димерштейна воздействовать на Райсовет СВБ, что-бы они выкупили свой заказ» [23, л. 113].

Противоречивая деятельность партийно-государственных организаций в антирелигиозной сфере не позволяет сделать вывод о ее эффективности даже с точки зрения самих этих структур. Основная проблема заключается в том, что поставленная задача была в принципе не выполнима. Уничтожения религии и церкви большевики рассматривали как единый процесс. Звучавшие мнения о том, что это в общем то процессы параллельные всячески игнорировались так как были не выгодны с пропагандистской точки зрения. С религиозными организациями якобы никто не боролся. Официально указывалось, что в стране провозглашен для того времени абсолютно демократичный закон о свободе совести, отделявший церковь от государства и школу от церкви. Имущество отымалось как незаконно приобретенное при царизме и объявлялось народным достоянием. Репрессии духовенства обозначались как борьба с контрреволюционерами. Безусловно, все это делалось для уменьшения влияния религиозных организаций, но это

влияние практически отождествлялось официальными властями с уровнем религиозности. На примере того же Полоцкого района это полностью опровергается. Церковь была отделена от государства, школа была отделена от церкви. Имущество отобрано. Мощи преподобной Евфросиньи Полоцкой осквернены, крест выставлен в музей. Храмы или закрыты были, или разрушены. Духовенство в основном либо расстреляно, либо находилось в местах лишения свободы, а вот религиозность в различных формах проявления была высокой. В этом плане примечательным является мнение народного комиссара внутренних дел БССР А. Наседкина, изложенное в докладной записке «Об антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР» в ЦК КП(б)Б. Майор госбезопасности в совершенно секретном документе не только отчитался о проделанной работе по уничтожению очагов контрреволюции, но и подробно изложил положение дел на антицерковном фронте: «Несмотря на наличие к-р церковных и сектантских формирований, районные, партийные и советские организации антирелигиозной работе совершенно внимания не уделяют. В большинстве мест антирелигиозная работа совершенно не проводится или проводится от случая к случаю. К-р церковный элемент используя отсутствие действующих церквей проводит усиленную антисоветскую агитацию среди отсталого населения, истолковывая в антисоветском духе политику партии и Советской власти, в части свободного отправления религиозных обрядов и тянут верующих в подполье. Вследствие этого и для быстрее нанесения оперативного удара по антисоветскому церковному активу и для антирелигиозного разложения отсталых религиозных масс, считаем необходимым допустить возобновление служб в ряде церквей (10-12), которые не функционируют и вопрос о закрытии которых не поднимался» НАРБ [18, л.76-77].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что Полоцкий район по «антирелигиозным показателям» являлся одним из худших в республике, но находился в рамках одной из существующих тенденций в реализации государственной конфессиональной политики. Практически полностью авторство в формировании режима власти в СССР до 1953 г. приписывается И. Сталину. В антирелигиозной сфере, необходимо отметить, общее руководство, генеральная линия партии или вождя претерпевали значительную трансформацию по пути к непосредственным объектам воздействия. И. Сталин формировал систему, а объективная реальность вносила свою коррективу. На местах были живые люди со своим мировоззрением, характерами, склонностями и способностями, что никак нельзя было сбрасывать со счетов. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. Сталин указывал: «Если-бы мы могли, если-бы мы сумели наши партийные кадры с низу до верху, подготовить идеологически и закалить их политически, таким образом могли свободным образом ориентироваться во внутренней, международной обстановке, если-бы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами-марксистами, способными решать без

серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач» [24, л. 89].

Вождь понимал с кем имеет дело, на что способны его подчиненные, которые не всегда имели желание и возможности заниматься подобной работой. Руководство на местах зачастую не могло наладить ту же атеистическую пропаганду, как в Полоцке, и по причине отсутствия подготовленных кадров, и по причине нежелания кадров упорно заниматься данным вопросом. Кадровый потенциал был невысок. Закрывание всех храмов и разгон религиозных организаций власти трактовали как победу в антирелигиозной битве, несмотря на наличие значительного числа верующих, в том числе активно проявляющих свою жизненную позицию. Что делать с их религиозностью было не понятно. Применяемые меры были неэффективны, новые не просматривались. Да и объективно нести в массы атеизм в регионе, где сильны позиции православия и находились знаковые христианские святыни было весьма проблематично. Коренное население было в подавляющем большинстве верующим, варяги долго не задерживались и авторитетом не пользовались. Православная церковь в Полоцко-Витебской епархии в наименьшей степени подверглась экспериментам пробольшевистских реформаторов обновленцев. Духовно-нравственное начало населения оказалось сильнее атеистических экспериментов. К началу 1940-х гг. И. Сталин в умах граждан уже олицетворял некоторые черты мессии, а атеистические идеи стремился заменить народно-патриотическими.

Литература и источники:

1. Монастырь у церкви Спаса: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь от древности до наших дней. – Минск, Орех, 2007. – 136 с.
2. Государственный архив Витебской области. Ф. 331. – Оп. 1. – Д. 9.
3. *Скворцов-Степанов, И. И.* Избранные атеистические произведения / И. И. Скворцов-Степанов. – М.: 1959. – 489 с.
4. *Крупская, Н. К.* Из атеистического наследия / Н.К. Крупская. – М.: Наука, 1964. – 307 с.
5. *Бонч-Бруевич, В. Д.* Избранные атеистические произведения / В. Д. Бонч-Бруевич. – М.: Мысль, 1973. – 343 с.
6. *Гольденберг, М.* Клерикальный антикоммунизм / М. Гольденберг. – Кишинев, Штиинца, 1981. – 134 с.
7. *Яблоков, И. Н.* Религия: сущность и явления / И. Н. Яблоков. – М.: Знание, 1982. – 375 с.
8. *Воронцов, Г. В.* Массовый атеизм: Становление и развитие / Г.В. Воронцов. – Л.: Лениздат, 1983. – 211 с.
9. *Платонов, Р.П.* Научно-атеистическая пропаганда: пути повышения эффективности / Р.П. Платонов. – Мн.: 1978. – 147 с.

10. *Лившиц, Г.М.* Очерки по истории атеизма в СССР 20-30-е годы / Г.М. Лившиц. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 215 с.
11. *Круглов, А. А.* Развитие атеизма в Белоруссии / А.А. Круглов – Минск: Беларусь, 1989. – 328 с.
12. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
13. *Навіцкі, У. І.* Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30 - я гг. ХХ-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
14. *Протьюко, Т.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.
15. *Лебедев, А.Д.* Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919-1929 гг.) / А.Д. Лебедев. – Минск: РИВШ, 2013. – 196 с.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 107.
17. Российский государственный архив социально политической истории Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 80.
18. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13219.
19. *Кривонос, Ф.* Очерк из истории Витебска 20-30-х гг. ХХ ст. // Витебские Епархиальные Ведомости. – 2001. – № 1(2).
20. НА РБ. Ф. 63п. – Оп. 2. – Д. 633.
21. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 1035.
22. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13928.
23. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 15629.
24. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13189.